Евфраим Непойман

КНИГА ЦВЕТА ПУСТЫНИ НАКАНУНЕ ДОЖДЯ

Евфраим Непойман

Книга цвета пустыни накануне дождя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27810027
ISBN 9785449003607

Аннотация

Сын кузнеца растёт в мечтах о море и с холодным оружием в руках, но в обычной жизни не всё решается силой, а море перестаёт удивлять, когда наблюдаешь его с палубы грузовых кораблей, мирно ползущих из порта в порт. Однако, непотопляемое чувство юмора и жажда авантюр, постоянные спутники нашего героя, не позволяют ему сгинуть в пучине серости, и вот однажды он оказывается в самом центре таинственных событий, полных риска, безрассудства и, конечно, горячей любви.

Содержание

От автора	5
От переводчика	8
I	13
II	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Книга цвета пустыни накануне дождя

Евфраим Непойман

© Евфраим Непойман, 2017

ISBN 978-5-4490-0360-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Не знаю, много ли существует на свете миров, но точно знаю, что не один. О знакомстве с обитателем одного из них я собираюсь поведать в этом своём рассказе о путешествии, начавшемся для меня более чем внезапно и приведшем к ещё более неожиданным последствиям.

Счастливы люди, связавшие свою жизнь с делом, требующим часто быть задействованными, вовлечёнными, или, как я это называю, «на острие момента» – моряки, погонщики винглингов, да хоть даже алхимики… Однако, вероятно, счастливейшие из нас едва ли выбирались хотя бы пару раз в соседний город, посвятив жизнь своему ремеслу, детям, потом внукам – и внутренняя улыбка навсегда поселяется в морщинках в уголках их глаз.

Не помню, чтобы я когда-нибудь завидовал таким оседлым счастливцам – впрочем, может, ещё буду – но всегда как-то особенно уважал. Чувствовалось, что они уже познали тайну мироздания, никогда особо в её поисках и не пребывая, и хоть и не могут взять и сразу всей тайны рассказать, но уж ерунды точно не посоветуют. Однако, стоит понимать, что можно услышать «правильный совет» такого рода, что потянет на дюжину дюжин дождей прилежного труда и работы над собой, и вот уж тогда…

Что же касается меня, то я никогда не мог долго уси-

деть на месте, если занятие этого от меня требовало, а уж предвкушение закопаться с головой в куче увесистых молчаливых обитателей библиотеки в поисках чего-то-непонятно-чего и вовсе повергало в уныние, а при длительной настойчивости – в сон.

Однако, приключение, участником – а вскоре и главным героем – которого я стал, окунуло меня в себя с головой и после этого уже ни в какую не желало отпускать, а самым тяжёлым для меня трудом, вероятно, обернётся его изложение на этих страницах, чем я, конечно, никогда бы не стал заниматься, не будь я в настоящее время…

Но лучше я всё-таки постараюсь не забегать вперёд, а обо всём попробую рассказать по порядку, время от времени скрашивая рассказ описаниями нашей пустынной местности или туч, освещённых луной над морской пучиной – ну то есть, должно быть, очень редко, не мастер я пустынные пейзажи описывать. Да ко всему тому же очень уж меня пугают долгие дела, поэтому я выбрал из чистых журналов не самый большой, но удобный и приятный на ощупь, на обложке которого можно будет даже что-нибудь потом нарисовать, а когда он закончится, я просто возьму следующий – и так до тех пор, пока не расскажу всё, что привело меня сюда, туда, где я сейчас нахожусь.

Впрочем, хочется надеяться, что моё приключение на этом не заканчивается, и, может быть, однажды я снова окажусь наедине с чистыми дневниками, чтобы передать

на их страницах все подробности своих странствий с полной достоверностью, не имея привычки врать даже в мелочах.

От переводчика

Данный текст, написанный от руки в довольно толстом блокноте с тёмными грубыми страницами и плотной матерчатой обложкой, (цвет которой и дал название моему переводу), вместе с прочими другими привёз мой дед из очередного путешествия по иным мирам.

Остальные блокноты на этом языке являлись, в подавляющем большинстве, журналами наблюдения за погодой и проходящими кораблями, не имеющие литературной ценности, однако оказавшие неоценимую помощь в понимании языка, вместе с дневником смотрителя маяка, написанного тем же почерком, что и журналы. Сам дневник смотрителя тоже довольно интересен, на мой взгляд, очень человечными размышлениями иномирца, однако наибольшую ценность, несомненно, представляет описание жизни существа вармлинга, животного, одного из обитателей того мира.

Я остановился на таком наименовании потому, что, во-первых, звучит оно всё-таки лучше, чем дедовские варианты «тепловик» или «теплыш», а во-вторых, как и другие два известные нам существа того мира – «винглинг» и «футлинг» в моём наименовании – имеет общую часть слова, определяющую принадлежность существа к… тут я боюсь соврать за недостатком информации о существах того мира и поэтому отделаюсь простым определением «к животным».

Ни описания «крылатика», ни футлинга – его дед и вовсе оставил без перевода – нигде более не встречаются, поэтому, повторюсь, дневник смотрителя маяка имел бы неоспоримую ценность, не содержи он даже философских размышлений одинокого человека, предоставленного на длительное время самому себе, шуму волн, да, возможно, ещё методичному посапыванию вармлинга, как я склонен романтизировать, вполне отдавая себе отчёт, что вармлинги скорее всего, конечно же, не сопят.

Сам же дед за время пребывания на маяке – а именно оттуда, как вы, вероятно, догадались, он забрал книги в свой мир – то ли не придал особого значения огромной ящерице, заползшей под вечер на своё излюбленное место под койкой, то ли предпочёл его не беспокоить, навидавшись в других мирах разных тварей и прекрасно понимая, что если животное даёт тебе себя разглядывать, то помрёшь ты точно не от него.

Не нужно забывать и тот факт, что дед был всё-таки языковедом, которому вдруг открылась тайна – или способность? – путешествий в другие миры, а не исследователем дикой природы, и предпочитал узнавать о мире из «трофейных» книг, стараясь свести к минимуму любую возможность контакта с внеземными обитателями. В этом, конечно, его ни скольким образом нельзя упрекнуть, я полагаю, вы и сами прекрасно поймёте, почему, если немного над этим поразмыслите.

Итак, вармлинг представляет из себя большое ящерообразное животное размером примерно с человека, не учитывая длины хвоста, о которой нам ничего доподлинно не известно. Размеры же туловища можно вполне точно предположить из самого способа применения человеком того мира этого вида животных.

Служит теплыш, как вы, возможно, уже догадались, для нагрева, а точнее поддержания тепла в помещении в тёмное время суток. Наиболее вероятно, что в дикой природе вармлинг забирается на ночь в узкие расселины, согревает окружающий камень накопленным за день теплом, а утром снова выбирается наружу нагреваться. Я не очень силён в физике, но мне кажется, что запасов тепла, способного хорошо прогреть камень, хватило бы вармлингу не только до утра, но и на неделю вперёд, поэтому причины такой жизнедеятельности – как и всего эволюционного замысла – я предполагать не берусь, однако факт остаётся фактом: на ночь животное возвращается всегда обратно, и, как я понимаю, в одомашненных условиях – всегда под кровать.

Кровать же (койка, если хотите, лежак или даже печка) представляет из себя около полуметра высотой сооружение из камня, внутри которого выточен (или выложен) лаз (или нора), максимально удобный для животного. Лаз не сквозной, поскольку это и не нужно: как вы понимаете, из расселин вармлинг всегда выбирается хвостом назад; однако отверстие для головы (или хотя бы носа) с обратной стороны

всё-таки присутствует, чтобы позволить вармлингу беспрепятственно дышать, а также, возможно, пить.

Описание других существ в записях смотрителя маяка отсутствует – в большинстве своём его журналы покрывают названия кораблей и цифры, которые я склонен считать высотой светил над уровнем моря. Здесь стоит немного сказать и о способе записи цифр. Используется непозиционная система счисления, очень схожая с нашей римской, с той лишь разницей, что счёт идёт не на десятки, а на дюжины. Знаком «V» обозначается число 4, а число 8 – двумя «V», записываемыми слитно или с наложением друг на друга, то есть, фактически как «W». Таким образом, например, «WII» означает число 10, а дюжину обозначает знак «X».

И ещё немного о названии, которым я с лёгкой руки озаглавил данный текст, попавший ко мне, как я уже говорил, в блокноте с тёмными листами и довольно плотной матерчатой обложкой, блекло-жёлтого цвета с потемнениями, с нарисованной на ней лапой с цифрой «I». Наткнувшись в тексте на фразу «цвета пустыни накануне дождя», относящуюся к шляпе, я долго крутил её в голове, и однажды, в очередной раз принимаясь за работу над дневником, понял, что эта фраза как нельзя лучше характеризует цвет его обложки. Так я избавил себя от необходимости придумывать название безымянному тексту, мысль о публикации которого возникла у меня, пожалуй, сразу же, как только он перестал быть безымянным.

Вот, пожалуй, и всё от меня. Передаю слово автору произведения, которое я более не посмею прервать своими вставками. Хотелось бы только сообщить, что я постарался соблюсти раскованный слог автора, а стихам уделил, конечно, особенное внимание, сохранив, по моему скромному мнению, и смысл, и слог.

Этот текст я посвящаю, конечно же, своему деду, который перевёл почти весь текст, однако не сохранил лёгкости повествования. Не знаю, жив ли он ещё, и если да, то в каком из миров, но я никоим образом не хочу навредить ему, опубликовав данный перевод, а потому вынужден скрывать своё настоящее имя за псевдонимом.

Надеюсь, однажды, и мне посчастливится открыть тайну путешествия по мирам, и тогда я продолжу поиски деда уже с новым рвением и обязательно вам обо всём расскажу, а пока я очень нуждаюсь в материальной поддержке, что не в последнюю очередь и побудило меня предать данный текст гласности.

Заранее спасибо за понимание, Е.Н.

I

Не люблю долгих вступлений, однако, придётся всё-таки рассказать о том, как я докатился до заработка карточной игрой в портовых тавернах.

К тому времени, как у меня стала появляться первая растительность на лице, я уже успел порядком надоесть по меньшей мере половине жителей нашего городка. Отец, кузнечных дел мастер, человек невиданного терпения, в конце концов обучил меня всем тонкостям своего мастерства, и из-под моего молота вышло немало домашней утвари, лёгкой, но прочной, и иногда даже красивой, а также несметное множество наконечников стрел. Впрочем, например, петли для дверей и оконных ставень мне ни в какую не давались и спустя пару дождей начинали скрипеть, тогда как отцовские требовали смазки настолько редко, что необходимость в их замене у поселян отпала начисто. Так же дела обстояли и с другими изделиями, в том числе и моего производства, однако, отец никогда не рассказывал покупателю, если что-то было изготовлено мной, а не им самим, и я не могу его в этом винить.

Поскольку уже довольно много дождей спрос держался на прежнем уровне только на наконечники стрел, в свободное время, которого у меня теперь было немало, я ковал разного рода мечи и испытывал их за пределами поселения

на любимом пригорке под засохшим деревом. С тех пор, как я выковал себе первый меч, дерево получило немало ударов различной тяжести, лишившись коры на всю высоту, куда я мог дотянуться остриём своего меча.

Начав тренироваться ещё совсем юнцом, я быстро понял, что рубящие удары требуют немалого вложения сил, а в бою важнее их сберечь, чем разрубить противника на две части. Я решил, что будет проще нанести один или даже несколько режущих ударов по открытым участкам, да к тому же в таком случае мне не придётся каждый раз упираться ногой, чтобы вытащить меч из дерева.

Я выковал себе новый меч полегче, чтобы возможно было управляться им одной рукой, несколько раз менял вес и улучшал баланс, и в итоге немного изогнул полотно, оставив остриё только с одной стороны. С новым мечом управляться было так удобно, что я стал тренироваться сразу двумя, по одному в каждой руке. Выходило у меня и впрямь неплохо: я мог даже пару раз провернуться вокруг, нанося друг за другом несколько ровных порезов. Впрочем, я не думал, что такой приём мне когда-нибудь пригодится, поэтому больше внимания уделял, например, скорости удара и глубине ранения, однако, и подозревать не мог, как скоро случай предоставит мне шанс показать себя.

В маленьких городках или поселениях типа нашего ничто долго не может оставаться тайной. Тем более, если оно стоит на пригорке без коры и с зарубками на всю высоту челове-

ческого роста. Конечно, о моих тренировках все прекрасно знали, но присоединяться никто не спешил. Ко мне вообще давно никто не присоединялся ни в каких занятиях, ну то есть я хочу сказать, что занимался я всем обособленно с того самого случая, как я налетел с кулаками на одного из тогда ещё детских товарищей за то, что он просто раздавил ногой жука. Самого обычного жука, которого самым обычным образом рассматривает ребятня такого возраста, в котором бывает интереснее приземлившийся вдруг на плечо девчонки жук, чем само плечо этой девчонки.

Так было и в тот раз: большой тёмный, переливающийся на солнце жук приземлился на плечо одной из девочек нашей босоногой ватаги и деловито прошагивался, направляясь вниз по руке, ну то есть по направлению к кисти. Само его приземление, конечно, не было неожиданностью: в полёте он так громко шумел крыльями, что мы все наблюдали за ним уже некоторое время, пока он, не особо раздумывая, вдруг приземлился на руку сестры одного из ребят, которые были уже постарше, и по большей части проводили время в своей компании, не считая достойным иметь с нами что-то общее. Но не в тот раз.

Стоит отдать девчонке должное, она совсем не испугалась нахальства жука, без приглашения решившего походить по её руке, а, напротив, была рада такому визиту, и, вытянув руку, поворачивала её так, чтобы можно было получше разглядеть деловитого гостя. Вообще-то путешествие тако-

го жука по руке, по себе знаю, – удовольствие из мало приятных, уж очень крепко он цепляется за кожу своими ногами. Возможно, этот жук был чересчур вежлив и старался не вызвать противоречивых чувств, гуляя по руке девчонки, и, наверное, это-то его и подвело. Ползая уже по пальцам, перебираясь с одного на другой, он, должно быть, схватился недостаточно крепко или одновременно недостаточным количеством лап, но только при очередном повороте сорвался, оставшись висеть на одной ноге вниз головой, неудачно попытался взлететь, шлёпнулся на землю и тут же был раздавлен ногой некстати подошедшего братца этой девчонки.

В памяти моей навсегда осталось, как улыбка покидала её лицо, а в глазах стояла какая-то детская растерянность и недоумение. Я не знал, как реагировать на смерть жука и молча смотрел на ту девчонку. А потом схватил с земли камень и ударил её брату прямо по голове. Я помню, как он озадаченно потирал висок, из которого текла кровь, смотрел на пальцы в крови, а потом ударил меня в нос и долго ещё пинал ногами почему-то в полной тишине. Тишину я тоже запомнил хорошо. Тишину, боль и злость.

После этого меня, должно быть, стали считать немного ненормальным. А вместе с моим непониманием того, что за меня никто не заступился, моё количество друзей быстро сошло до никого.

Отец, не будь дураком, понимая, что с внешним миром у меня как-то не заладилось тут же «принял меня в подма-

стерья» и начал обучать работе в кузне.

Время шло, и моя слава человека со странностями только крепла. Я редко разговаривал с ровесниками, всё больше огрызался или бросал взгляды, полные презрения, вспоминая их бездействие. Впрочем, старших я, напротив, уважал и старался при случае помочь и всегда благодарил даже за сущий пустяк. Не думаю, что меня как-то особенно так воспитали родители, просто, мне кажется, я от рождения неконфликтен и расположен к увеличиванию добра.

Сейчас я думаю, что моя дружелюбность сыграла хорошую службу отцовскому ремеслу, потому что люди часто заходили к нему под навес за всякими мелочами типа игл или колец для шкур и задерживались ради неторопливой беседы. Если мне был интересен предмет разговора, в глубине кузни я откладывал инструмент, отирался от пота и раскуривал сушёные листья мануки, делая вид, что как раз наступило время небольшого перерыва.

Так я узнавал о событиях в городе и некоторых новостях в мире. Не помню, впрочем, чтобы кто-нибудь хоть раз рассказал что-то значительное или интересное, лишь долго пересказывали в красках историю о глупом смельчаке, который, отправляясь на охоту, привязал тяжёлую стрелу крепкой бечёвкой к своему винглингу, рассчитывая, очевидно, раненого футлинга утянуть на таком аркане до дома, но, на свою беду, попал футлингу прямо в голову, тот рухнул, привязанный к нему винглинг влетел в стадо мчащихся фу-

тлингов и мгновенно был растоптан насмерть вместе с хозяином. Позже я узнал, что рассказами о таких слишком самоуверенных, но недостаточно умных парнях может похвастаться чуть ли не каждый город нашего пустынного мира.

Меня несколько печалило, что никто никогда не рассказывал о море, но радовало, что иногда в лавку заходила та девочка из истории с жуком. Имя её я намеренно не называю, хоть вряд ли она или кто-то из её знакомых прочтёт эти дневники, тем не менее, думаю, она на настоящий момент давно уже замужем, и упоминание её имени будет излишним. Тем неудачливым парнем был как раз таки её брат, и с той поры, как она первый раз появилась у отца под навесом, едва только завидев её, я вспоминал, каким нелепыми мне представились падение её брата на землю и его полное недоумения в момент падения лицо. Рот мой всякий раз растягивался в ухмылке, а девочка всегда улыбалась в ответ, пребывая в неведении, что именно является причиной моей весёлости.

Девчонка мне очень нравилась. За те многие дюжины дождей, прошедшие от того случая с жуком до первого её появления под навесом нашей кузни, она очень вкусно подросла, отрастила свои волосы цвета опавшего листа почти до самого пояса и так и не рассталась со своими веснушками. В наших краях веснушки – конечно, не редкость у детей, чьи волосы хоть сколько-нибудь светлее печной сажи, однако со временем они бледнеют и к окончанию детства уже совсем пропадают. Быть обладателем веснушек в её возрасте было, по-мо-

ему, вызывающе смело и одновременно обольстительно мило.

Бывало, мы иногда обменивались с ней парой ничего не значащих фраз, однако такой разговор всегда заканчивался улыбками на наших лицах, задорными и одновременно смущёнными, после чего она опускала руки вдоль платья, ловила складку двумя пальцами с каждой стороны, немного разводила руки в стороны и слегка кланялась, затем собирала в мешочек всё, за чем приходила и, более не произнеся ни слова, удалялась, не переставая улыбаться, как мне казалось, до самого дома.

Это было так удивительно и вместе с тем так презабавно, что вскоре я стал улыбаться при одной только мысли о ней. Не улыбался я, наверное, только когда думал о ней по ночам, но мысли эти были так утомительны, что я старался тренироваться до изнеможения, чтобы сразу забываться сном, как только заберусь под одеяло.

Мне хотелось, чтобы она была частью моей жизни, однако, в самых заветных мечтах я не мыслил себя без моря и приключений, поэтому понимал, что мне не стоит просить от своей знакомой больше, чем дружбы. Впрочем, я и не знал, как это правильно сделать, поэтому и не особо страдал в своей нерешительности.

Однако, судьба распорядилась по-своему, и однажды во время очередной тренировки, когда я практиковал колющие выпады, моей спины коснулась холодная ладонь, а когда

я начал оборачиваться, мою грудь под моими руками обхватили чьи-то руки – конечно же это были её руки, – так что поворачиваясь, я нёс её на себе, обречённый застать лишь пустоту за собой, она же безудержно смеялась, повиснув на мне и болтая ногами в воздухе.

Я не разделил её веселья и, бросив мечи, стал отклоняться назад и расцеплять её руки – не перебрасывать же мне её через себя, в самом деле!

– Я же мог тебя нечаянно убить! – воскликнул я, когда она всё-таки, похоже, поняла, что я не винглинг, поэтому полёт уже закончен, даже не начавшись, и отпустив меня или даже обиженно оттолкнув, отпрыгнула назад.

– Ты невнимателен. Я уже проткнула твою спину.

Платье её успело промокнуть насквозь от моей потной спины в том месте, где она касалась меня, и я, как тупой футлинг, глазел теперь на изгибы её грудей, отчётливо проступающих через лёгкую ткань.

– Отец просил передать, что хотел бы срочно видеть тебя, – произнесла она, одёрнув платье.

Не помню, но думаю, я оторопел оттого, как изменился её голос, будто бы всё тепло и лёгкость улетучилось из него, и только тогда я оторвался от созерцания её груди и поднял на неё глаза. Она одарила меня взглядом, полным презрения, и зашагала в сторону дома, едва не задев меня плечом. Наверное, тогда мне стоило окликнуть её, но я был так растерян и зол на себя, что словно врос в землю.

Когда оцепенение прошло, я схватил мечи и начал остервенело вымещать злость на стволе дерева – получалось выдерживать точное расстояние между двумя клинками и соблюдать одинаковую глубину пореза. Такой приём я никогда раньше не практиковал, это вышло как-то само собой, но мне нравилось, как хорошо мне он удаётся. Способность здраво рассуждать вернула меня к мысли о том, что меня зачем-то срочно ищет отец, я отёрся тряпкой, накинул рубашку и, подхватив мечи, направился к дому, не зная, что и думать.

Здесь надо сказать, что пользоваться оружием в самом поселении запрещено и, хотя в каждом доме есть один, а то и несколько мечей на случай защиты от нападения разбойничьих отрядов, хранятся они в недоступном от детей месте, под замком, иногда в сундуке с другими семейными ценностями, но чаще – в отдельном ящике вместе с охотничьим арбалетом, который также имеется, пожалуй, в каждой семье, поскольку даже те, кто зарабатывает на жизнь ремёслами, считают зазорным пропустить дни большой охоты, когда футлинги отправляются к подножьям гор для выращивания молодняка, а спустя дюжину дождей возвращаются обратно к обычной кочевой жизни и разбредаются стадами по всему пустынному миру.

Должно быть, многое из этого и так всем хорошо известно. И насколько я знаю, побывав на настоящий момент в немалом количестве городов – в большинстве своём пор-

товых, – отношение к ношению оружия в городе везде одинаково, а любое его применение против мирного гражданина наказывается высылкой из города. Насколько мне известно, так же наказывается и убийство вармлинга, даже непреднамеренное, хотя, как вы понимаете, случайно ушатать такого увальня, если он уже взрослый и живёт в доме, никак не представляется возможным.

Однако, я отклонился от повествования, а сделал я это затем, чтобы следующий эпизод рассказать коротко и понятно.

Я шагал домой, погружённый в свои мысли, всё ещё прокручивая в памяти появление Веснушки – почему бы здесь не назвать её именно так? – у дерева и мою реакцию на это и злясь попеременно то на неё, то на себя, то снова на неё, но, по большей части, из-за того, что я чувствовал себя болваном, а она была этому причиной. Так я поравнялся с городскими воротами и не успел пройти и десяти шагов, как меня окружила толпа ребят, а один из них остановил меня, упёршись ладонью в грудь и затем, тыча в неё пальцем, начал высказывать мне:

– Слышь ты, кузнечик, ты, наверное, думаешь, что ты тут особенный, ни с кем не разговариваешь, никого не слушаешь, в мяч не играешь, как все, только ходишь дерево своё рубить, так может, дровосеком стать надумал? Ну так тебе потяжелее игрушки тогда нужны, а то твои вон посмотри-ка, такие тонкие, что согнулись даже.

Все начали гоготать. Я не подозревал, что мои мечи, кото-

рые я так долго выверял и переделывал, тоже могут являться причиной для насмешек. Бить я его не собирался, хоть и понимал, что он специально напрашивается, и хоть работа в кузне дала мне хорошую силовую подготовку, но против всех я бы, конечно, не устоял, а колотить меня могли броситься многие, как только я ответил бы на первый удар. Обычно никто не выказывал желания быть первым нападающим, но сегодня всё было не так.

– Послушай, – он продолжал меня злить, даже положил руку на плечо, почувствовав ободрение и поддержку всей толпы.

Я же сбросил с себя его руку поворотом корпуса и зашагал обратно к воротам: дом мой находился примерно на равном расстоянии от двух городских ворот, рядом с оградой, но на некотором удалении от неё самой и других строений на тот случай, если произойдёт пожар в кузне. После заката я, чтобы не тревожить охранника ворот, часто возвращался домой, перелезая через стену: я особым образом втыкал сразу оба меча в отверстие от сучка в частоколе, подтягивался на них, затем перекидывал ногу через ограду, освобождал мечи и спрыгивал уже с другой стороны. Вот и сейчас я решил преодолеть расстояние до дома снаружи поселения, понимая, что за ворота за мной вдогонку никто и шага ступить не посмеет. Дорогу мне, конечно, преградили, но я просто расталкивал всех в стороны плечами, сжимая в руках мечи, которыми чертил за собой с обеих сторон глубокий след – я

всегда так делаю, когда злюсь. А забияка, которого вроде бы звали Вихор, продолжал, что-то вроде того:

– Послушай, кузнечик, послушай, ну куда же ты? А вообще правильно, лучше прыгай давай отсюда, ведь она тебе не достанется никогда. Ты же просто ненормальный, который даже разговаривать не умеет. Взял и облапал девчонку, которая тебе два слова пришла сказать. А ты на неё бросился как зверь, наверное, да?! Я видел, какая она возвращалась обратно. Только попробуй ещё тронь её, я подожгу твою кузню, понял?! Давай, улепётывай! – он толкнул меня в спину, потому что я уже поравнялся с воротами, преодолев все преграды из людей. – Улепётывай лучше из города вообще, потому что она всё равно тебе не достанется, – эти слова он уже говорил мне в спину, стоя в воротах, тогда как я уже сделал несколько шагов, – потому что она уже несколько раз раздевалась для меня, понял?!

Услышав эти слова, я замер на мгновение, а потом развернулся, вскидывая мечи, и рассёк ему бровь и кончик носа. Я ни мгновения ни раздумывал, всё вышло само собой. Тогда мне показалось, что нос его пострадал гораздо сильнее, но на самом деле я рассёк его только на глубину половины ногтя или около того. Вихор, конечно, схватился за нос, взвыл, сначала присел на корточки, а потом рванулся куда-то вглубь, расталкивая всех, а я зашагал в сторону своей стены.

Нет, я совсем не боялся, что меня выдворят из нашего поселения, ведь оружие я применил вне его стен, больше всего

меня заботил другой вопрос: правда ли, что Веснушка игралась с Вихром?

Здесь стоит, наверное, сказать, что, как известно, беременная до замужества женщина обрекает на несчастье себя и будущего ребёнка, но различные забавы наедине с представителем другого пола, которые никак не могли привести к беременности, никоим образом в наших краях не возбранялись. Вихор был рослым и видным парнем, и Веснушка вполне могла им заинтересоваться. Теперь я был не просто зол на неё, но и глубоко обижен, к тому же эта возможность их отношений словно оправдывала мою грубость с ней у дерева. Снова что-то значительное в моей жизни произошло как-то само по себе, и снова я был против всех, но доволен собой и полон решимости.

II

Забравшись на ограду и поудобнее устраиваясь между пиками острозаточенных брёвен, чтобы затем выдернуть мечи из расселины, я разглядел двух крепких винглингов на длинной привязи, один из которых лежал в тени забора, а другой, по всей видимости, утолял жажду, засунув голову, наверное, на самое дно – как я мог судить по тому, что грудью он упирался в борта бочки… Впрочем, может быть, он так охлаждался, или, например, прятался – кто его знает.

Возле нашего дома торговые винглинги появлялись примерно раз в дюжину дождей, когда их хозяева продавали отцу железо для работ, и я был уверен, что время их возвращения ещё не наступило.

Нередко нас посещали и другие торговцы, приземлявшие своих винглингов на центральной площади города и радовавшие жителей сладостями, вином с Предгорья, сушёными морскими обитателями и разными бытовыми изделиями мастеров других городов, как, например, гребешками для расчёсывания волос, которыми славился точильщик по кости из нашего поселения.

Помню, в раннем детстве мы всей такой же босоногой, как я, ребятнёй начинали ждать прилёта торговцев заранее, а однажды даже несколько дней подряд уходили за ограду, чтобы вглядываться в небо, ожидая появления очертаний двух

винглингов, несущих в люльке между собой большой сундук с разными отделениями, после приземления превращающийся в лавку всего-на-свете. Но в тот раз мы не рассчитали быстроту полёта винглингов, и, пока бежали обратно в город от ближайших холмов, торговцы уже сели на площади.

Обычно, пока один из них отдавал винглингов на попечение местному погонщику или сам отводил их в заранее условленное место, второй раздвигал верхнюю крышку сундука и устанавливал в углы жерди, расходившиеся в стороны, потом натягивал между ними плотный холст – и так получался широкий навес от солнца. Далее, уже вдвоём, они раскладывали товар и объявляли об открытии лавки. Мне запомнилось, что общением с покупателями всегда занимался только один из них, а второй иногда что-то подавал ему, а в остальное время просто стоял, наблюдая за тем, чтобы никто – особенно, наверное, детвора – не трогал товар руками перед покупкой, но никогда никого не отгонял – чаще всего детвору отпихивали старшие, чтобы пробраться к лавке.

Воспоминания из детства схлынули, я вынул мечи, спрыгнул с забора – винглинг, лежавший в двух шагах, даже не пошевелился —, заглянул в бочку – воды было на самом дне и винглинг, свесивший туда голову и всю шею, едва доставая мордой до воды, казалось, спал —, окликнул отца в дверь кузни, понял, что он в лавке, и подошёл к навесу с внешней стороны.

Ко мне спиной, опёршись на прилавок и что-то весело рассказывая отцу, стоял незнакомец в грубой свободной одежде, которая хорошо защищает как от солнца, так и от ветра. Не оставалось сомнений, что это он привёл тех двух винглингов, один из которых наверняка принёс его на себе в город. Но только когда он повернулся на звук моих шагов, многое сразу встало на свои места – это был один из тех двух торговцев, который обычно больше наблюдал, чем общался. Я не посещал их лавку с тех самых пор, как отец взял меня в кузню, но сейчас сразу же вспомнил его. У него были глубоко прятавшиеся под бровями, но вместе с тем очень живые глаза, от которых ничто, казалось, не могло ускользнуть. Это был, однако, взгляд не надзирателя, но человека наблюдательного, интересующегося.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.